

СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ

УДК 1: 339.9

DOI <https://doi.org/10.24195/spj1561-1264.2019.2.2>

Зайцев А. С.

аспірант кафедри філософії и політології
Национальной металлургической академии Украины
пр. Гагарина, 4, г. Днепр, Украина

УРОКИ И ПАРАДОКСЫ ПЕРВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

У XIX столітті модель глобалізації була апробована на практиці, що стало можливим в силу як технологічних (розвиток засобів зв'язку та комунікації), так і політичних (колоніальна політика великих європейських держав) факторів. Цей досвід був осмислений як метрополіями, так і колоніями. Останні, отримавши після Другої світової війни незалежність, вважали за краще відмовитися від вільного ринку на користь протекціонізму з огляду на те, що для економічно слабких країн вільний ринок не вигідний, а їхня власна економіка – неконкурентоспроможна. Але протекціонізм міг би бути гарною ідеєю лише в разі технологічної стабільності: коли нові технології з'являються рідко, час можна принести в жертву економічній стабільності. Однак в умовах, коли технології розвиваються швидко, протекціонізм сприяє застою національної економіки та ще більшому відставанню від лідерів. Тому країни «третього світу» змушені включатися в сучасну глобалізацію, щоб не відстати остаточно.

Метою статті є встановлення факторів, які сприяли розгортанню глобалізаційних процесів у XIX столітті, виявлення її теоретичних передумов і опис ходу першої глобалізації, а також ідентифікація уроків, які зробили з неї лідери країн «третього світу» у XX столітті.

Отже, у XIX столітті модель глобалізації та вільного ринку була апробована на практиці завдяки технологічним (зокрема, розвиток засобів зв'язку та комунікації) та політичним (зокрема, колоніальна політика великих європейських держав) факторам. Отриманий досвід був осмислений і метрополіями, і колоніями, які після отримання незалежності після Другої світової війни вважали за доцільне відмовитися від вільного ринку на користь протекціонізму, оскільки були переконані, що для економічно слабких країн вільний ринок є не вигідним, а їх власна економіка – неконкурентоспроможною.

Ключові слова: глобалізація, вільний ринок, колоніалізм, «третій світ», конкуренція, технології, комунікації, ВВП.

Введение. Когда сегодня речь заходит о постиндустриальном обществе, обычно делают упор на развитие технологий, а уже следствием этого развития становится изменение структуры общества, повышение роли наукоемких технологий и ценности человеческого капитала, рост количества работников, занятых в сфере услуг за счет занятых в промышленности и сельском хозяйстве и т.д. Однако само по себе развитие технологий не влечет за собой все эти следствия, которые происходят лишь в особой культурно-исторической ситуации.

Следует обратить внимание на то, что постиндустриализация наступила не одновременно по всему миру, и дело здесь не только в уровне технологического развития. Например, в СССР техника хоть в целом и уступала западным аналогам, но в большинстве случаев этот разрыв не был критичным, а в ряде случаев (космическая отрасль, ВПК и т.д.) имел место или паритет, или даже опережение. Между тем, в СССР не только не восприняли концепцию постиндустриального общества (здесь имели место явные идеологические причины), но и фактическое развитие советского общества не давало повода увидеть здесь «постиндустриализм».

Мы исходим из положения, согласно которому тот факт, что постиндустриализация началась на Западе, был вовсе не случайным, а обусловленным, как минимум, двумя обстоятельствами: глобализацией и свободным рынком.

Под «глобализацией» можно понимать разные вещи. Некоторые элементы глобализации присутствовали еще в Римской империи [5], но это были лишь элементы, ибо «Римский мир» не был глобальным в прямом смысле. Великие географические открытия привели к тому, что для европейцев открылся если и не весь мир, то значительная его часть. Однако ни в XV, ни даже в XVIII веках говорить о глобальной экономической системе не приходилось. Объективные условия для формирования глобального экономического, культурного и информационного пространства появились только в XIX веке, и локомотивом этого процесса стала Британская империя. Последняя не только подчинила своей власти и влиянию четверть земной суши, но и выстроила политико-экономическую модель взаимодействия и сотрудничества, удивительно похожую на те формы, в которых осуществляется глобализация ныне.

Существует множество научных работ, посвященных исследованию международной торговли и экономических отношений, развитию средств коммуникации и транспорта в XIX веке, а также колониальной политики великих европейских держав. Однако большинство этих исследований либо чисто исторические, либо чисто экономические. Среди философско-экономических исследований выделим работы Дэниэла Когэна «Три лекции о постиндустриальном обществе» [4], в которой автор не только затрагивает интересующую нас проблему, но и дает прекрасный культурно-исторический контекст глобализационных процессов, статью Дэрона Акемоглу, Саймона Джонсона и Джеймса Робинсона [3], а также важную для нас в методологическом плане статью Пола Крагмэна и Тони Венаблеса «Глобализация и неравенство наций» [6]. Большое значение для сравнительных исследований экономической ситуации в мире на протяжении длительного времени имеет работа Ангуса Мэддисона, в которой собрана экономическая и демографическая статистика с 1500 до 2001 года, причем особенно подробно описан период с 1820 г. [7].

Целью и задачами статьи является установление факторов, которые способствовали разворачиванию глобализационных процессов в XIX столетии, выявление ее теоретических предпосылок и описание хода первой глобализации, а также идентификация уроков, которые извлекли из нее лидеры стран «третьего мира» в XX веке.

Результаты. Чтобы понять особенности глобализации XIX века, следует провести параллели между ней и современной глобализацией. Первое сходство заключается в сходстве ведущих держав. Модель поведения Великобритании, которая доминировала в мире XIX столетия, в значительной степени предопределила и американскую модель господства. Свою политическую власть в колониях и других более или менее зависимых от нее территориях Великобритания использовала для продвижения своих экономических интересов под лозунгом свободной торговли. Вторая аналогия между глобализацией прошлого и сегодняшнего дня заключается в том, что они обе несли революции в технологиях транспорта и коммуникации.

В конце восемнадцатого века максимальная скорость распространения информации равнялась скорости лошади на суше и скорости парусного корабля на море. С учетом того, что этим обоим средствам информации приходилось преодолевать множество препятствий, задержек, следовать объездными путями и подвергаться различным опасностям в пути, мир XVIII века был невероятно «медленным» по современным нам меркам. На преодоление расстояния между Лондоном и Бомбеем письму требовалось несколько месяцев, да и то, не было полной уверенности в том, что даже спустя такой длительный срок оно дойдет до адресата. После изобретения телеграфа и прокладки сухопутных и подводных кабелей скорость обмена информацией возросла на порядки, и ей стало требоваться менее 24 часов, чтобы преодолеть то же самое расстояние.

Наряду с информационной революцией произошла и революция транспортная, связанная с появлением и распространением транспортных средств нового типа – железной дороги и парохода, что позволило товарам и людям следовать за этими потоками информации.

Одним из показателей беспрецедентной легкости в обращении товаров и информации являются различия в ценах, указанных на сырье в разных местах мира. В середине девятнадцатого века различия в котировках цены на пшеницу в Чикаго, Лондоне и Бомбее были еще значительными – около 50 процентов. В 1913 году, накануне Первой мировой войны, которая оставила глобализацию девятнадцатого века, ценовые различия были не более 15 процентов, что означало как то, что люди знали цены, указанные в другом месте, в режиме реального времени, так и то, что они могли отправить товар из места, где он стоил дешево, в место, где он стоил дорого [4, с. 38].

Кое в чем нынешняя глобализация даже отстает от своей предшественницы. Мы имеем в виду финансовую глобализацию и международную миграцию. В 1913 году Лондонский Сити экспортировал 50 процентов английских сбережений за границу, четверть французских национальных сбережений было инвестировано за рубежом. Это высокие показатели, гораздо выше, чем те, которые есть сегодня. Медленный упадок Британии на протяжении девятнадцатого века может быть частично обусловлен тем, что лондонские банкиры отдавали предпочтение зарубежным инвестициям, что лишало английскую экономику финансовых ресурсов. Сегодня ни одна развивающаяся страна не может рассчитывать на притоки финансирования, сопоставимые с теми, которые направлялись в XIX веке в Аргентину, Канаду и Австралию [4, с. 38–39].

В международной миграции глобализация XIX века также опередила наше время. Сегодня мы живем в мире, в котором мобильность людей кажется очень высокой. Но в 1913 году 10 процентов населения мира состояло из иммигрантов – лиц, которые проживали не в той стране, в которой они родились. Соответствующее количество сегодня составляет не более 3 процентов от населения мира. Это внушительная цифра в абсолютном значении, но по отношению к населению мира она остается в три раза меньше, чем сто лет назад.

Еще один пункт иллюстрирует различие между прежней глобализацией и нынешней: уважение к контрактам и частной собственности. Глядя на Британское Содружество, можно утверждать, что судебная интеграция ранее была также более продвинутой, нежели сегодня. Контракт, подписанный в Бомбее, был так же обязателен в суде, как и подписанный в Лондоне. Поскольку проблемы сегодняшней глобализации отчасти связаны с судебными рисками, с которыми сталкиваются многонациональные компании в разных странах, это еще один аргумент в пользу тезиса о более полной реализации интеграции в девятнадцатом веке [3].

Для понимания сил, которые сформировали современное международное разделение труда, и сравнивая их с таковыми из XIX века, будет полезно вернуться к теоретическим основам последнего. Отправной точкой в этой области выступает теория, предложенная в начале девятнадцатого века английским экономистом Дэвидом Рикардо. Теория Рикардо [1] в значительной степени базируется на принципах, разработанных Адамом Смитом в «Богатстве народов» [2].

Рынок побуждает всех – человека у Смита, нацию у Рикардо – специализироваться на одной задаче, в котором он или она превосходят других. С точки зрения Смита, каждый выбирает быть пекарем или сапожником на основе простого расчета: зная свои навыки, свои познавательные способности и финансовое обеспечение, а также то, что даст самый высокий возврат (не обязательно в строго финансовом смысле, но с более общей точки зрения удовольствия и трудности, которые то или иное занятие влечет за собой).

Важное свойство рыночной экономики, как указывал Адам Смит, – это позволить каждому делать свою оценку, не переживая о том, что если какой-то человек хочет стать сапожником, а не пекарем, то он и другие люди останутся без хлеба. В рыночной экономике можно рассчитывать на то, что хлеб будет доступным, причем не из-за доброжелательности пекаря (что даст его клиентам мало уверенности), но из-за личных интересов пекаря. Смит описал жизнь в обществе, в котором зависимость каждого человека от всех остальных осуществляется посредством анонимных сил рынка (институт, который всегда существовал, но который никто прежде не рассматривал в таком ракурсе и не предполагал за ним такой ключевой роли).

Возможно, что человек, который колеблется между двумя профессиями, может сделать неправильный выбор, став сапожником как раз тогда, когда люди решили ходить босиком или

когда появляется новое оборудование, которое может полностью удовлетворить спрос на обувь. Если по тем или иным причинам цены на обувь обваливаются, сапожники будут сожалеть о своем выборе. Очевидно, что следующее поколение отреагирует, сделав профессию сапожника редкой и повышающей ее ценность. Затем цикл повторяется с большими или меньшими вариациями. И хотя возможны отдельные неудачи у отдельных людей (наций), в конце концов, рынок стремится к равновесию, а это значит, что каждый сможет найти в нем свое место.

Для Рикардо рассуждения, которые были верны для отдельных людей, были также верны для наций. На основе этой простой параллели Рикардо высказался за свободную торговлю. Международная торговля позволяет каждой нации специализироваться на деятельности или секторе, в котором она имеет сравнительное преимущество по сравнению с другими. Это создает богатство для нации, так же как и для человека. Как и в случае с национальным рынком, международный рынок стимулирует отдельных субъектов (в данном случае – нации) на поиск путей процветания, и это приносит всеобщее благо всему человечеству.

Однако глобализация XIX века доказала неспособность распространить процветание самых богатых стран на бедные. Действительно, в это время можно наблюдать огромный рост неравенства во всем мире. Так, в 1820 году ВВП на душу населения в Индии составлял 533 международных доллара (в пересчете на доллары 1990 года по системе Гири-Хамиса), в 1913 году – 673 доллара, а в Великобритании эти показатели составили 1707 и 4921 доллара соответственно [7, с. 32, 180]. Таким образом, если за без малого столетие в Индии ВВП на душу населения увеличился на 26%, то в Великобритании – на 288%. С другой стороны, за тот же период произошел процесс сближения между Англией и другими крупными европейскими странами – Францией и Германией. Так, ВВП на душу населения в 1820 году во Франции составлял 1136, в Германии – 1077 долларов, в 1913 году эти показатели увеличились до 3485 и 3648 долларов соответственно [7, с. 58, 60].

Все страны, которые впоследствии станут «третьим миром», извлекут из этого урок: мировая торговля не является источником обогащения для бедных стран. Когда их независимость позволила им установить торговую политику для себя, протекционизм был наиболее предпочтительным вариантом для этих стран. Однако, выбирая путь протекционизма и отрезая себя от ресурсов, которые глобальный капитализм может предложить, бедная страна не ставит себя в лучшее положение, чтобы догнать богатые страны. Она теряет доступ к изобретениям, разработанным в богатых странах, что в конечном итоге создает новые препятствия в дополнение к уже существующим. Из-за этого консенсус в пользу протекционизма начал рассыпаться. Начиная с 1980-х годов, бедные страны стали возвращаться разными путями на путь мировой торговли. Возникает новое международное разделение труда.

Уже шла речь о том, что в международной торговле одни страны (регионы) выигрывают значительно больше, нежели другие, причем богатые становятся еще богаче, а отрыв от бедных стран имеет тенденцию к увеличению. Почему так происходит? Один регион богат из-за большого начального инвестирования: его инфраструктура плотнее, его работники лучше образованы. Другой беден, потому что ему всего этого не хватает. Если эти два региона начинают торговать, то богатый сможет стать богаче, потому что перед ним открывается доступ на новый рынок, он получит выгоду от большего масштаба экономики. Но в то время как богатый регион располагает широким ассортиментом продукции и талантов, бедный регион может специализироваться только на ограниченном количестве товаров и услуг. Устанавливается поляризация, которая превращается в противостояние процветающего центра и бедной периферии.

Центр богат, и не потому, что специализируется, но потому что эта ситуация способствует специализации каждого из его членов. В центре могут сосуществовать многочисленные виды деятельности: от врачей и парикмахеров, до автомехаников и IT-экспертов. Периферия, напротив, может специализироваться только в горстке задач: она будет делать фарфор или текстиль – деятельность, в которой, благодаря крайней специализации, она может превзойти центр. Но ценою этого будет потеря разнообразия и, в конечном итоге, большая уязвимость: если другой бедный регион выберет ту же специализацию, он может вытеснить первый [6].

Эта схема не похожа на модель Рикардо, в которой каждый регион специализируется для всеобщей выгоды. Напротив, это схема асимметрии между бедными регионами, ультраспециализированными и уязвимыми к конкуренции со стороны других периферий и центров, которые многогранны и, следовательно, лучше защищены от взлетов и падений торговли.

Такая динамика отражает то, что можно наблюдать в девятнадцатом веке, когда железные дороги сильно сократили расходы на связь между регионами Франции. Железная дорога породила большие надежды со стороны самых отдаленных регионов. Они рассчитывали, что железные дороги приблизят их к крупным городам, давая им доступ к рынкам, на которых они могли бы продавать больше и купить больше. Однако проблема с поездами заключается в том, что они работают в обоих направлениях. Продукты из крупных городов потекли в деревни, дестабилизируя отдаленные регионы и провоцируя исход их работников [4, с. 46–47].

Если у работников есть выбор, они оставят бедный регион и отправятся туда, где они смогут заработать больше. Бедный регион угасает, а богатый растет; люди предпочитают работать и инвестировать в богатый регион, потому что его инфраструктура позволяет им быть более продуктивными.

Подобная ситуация характерна и для современной Украины, а также для «бедных» стран Европейского Союза, которые начинают испытывать недостаток в квалифицированных кадрах (особенно рабочих профессий), желающих продавать свои руки в более благополучных местах, где за них можно получить большее вознаграждение. Однако если в Украине происходит депопуляция, то в таких странах, как Китай и Индия естественный прирост населения с лихвой перекрывает потери от эмиграции. Более того, для таких стран эмиграция даже выгодна, ибо, во-первых, она позволяет хотя бы отчасти сбить градус внутреннего кипения внутри страны, во-вторых, эмигранты более или менее осознанно становятся «агентами влияния», распространяя культуру своей родины далеко за ее пределами.

Для богатых стран такая ситуация сегодня тоже имеет двойственный результат. С одной стороны, большой выбор на рынке труда позволяет богатым странам располагать лучшими специалистами в своих областях, что не может не давать позитивный эффект для экономики. С другой стороны, для национальной экономики это имеет и негативные последствия, поскольку значительная часть местного населения, не выдерживая конкуренцию с иммигрантами, которые готовы выполнять ту же самую работу за меньшие деньги, оказывается безработной, и это как вызывает рост социального напряжения, так и требует дополнительных расходов на содержание «своих» безработных, а также тех иммигрантов, которые не смогли (не захотели) найти работу, но выдворить которых из страны по тем или иным причинам сложно либо же вообще неприемлемо. Самое главное, что подобные миграционные процессы, имея с точки зрения экономики как положительные, так и отрицательные последствия (в общем виде невозможно оценить итоговый баланс, здесь необходимо смотреть на конкретную страну и конкретную сложившуюся ситуацию), в культурно-историческом смысле массовые переселения народов всегда несут в себе негатив с точки зрения тех народов, в чью страну направляется поток мигрантов. Впрочем, последние соображения имеют отношение не столько к глобализации XIX века, сколько к современной нам глобализации, о чем мы планируем написать отдельную статью.

Выводы. Именно в XIX веке модель глобализации и свободного рынка была апробирована на практике, что стало возможным в силу как технологических (развитие средств связи и коммуникации), так и политических (колониальная политика великих европейских держав) факторов. Полученный опыт был осмыслен как метрополиями, так и колониями. Последние, получив после Второй мировой войны независимость, предпочли отказаться от свободного рынка в пользу протекционизма ввиду того, что для экономически слабых стран свободный рынок невыгоден, а их собственная экономика неконкурентоспособна.

Но протекционизм мог бы быть хорошей идеей лишь в случае технологической стабильности: когда новые технологии появляются редко, время можно принести в жертву экономи-

ческой стабильности. Однако в условиях, когда технологии развиваются быстро, протекционизм способствует застою национальной экономики и еще большему отставанию от лидеров. Поэтому страны «третьего мира» вынуждены включаться в современную глобализацию, дабы не отстать окончательно. Современная глобализация имеет свои особенности, так что некоторым изначально отстающим странам даже удалось вырваться в лидеры (Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай), но это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. Москва : Эксмо, 2007. 960 с.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва : Эксмо, 2019. 1056 с.
3. Acemoglu D, Johnson S, Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. Issue 5. P. 1369–401.
4. Cohen D. Three Lectures on Post-Industrial Society. Cambridge, MA : The MIT Press, 2009. 119 p.
5. Halapsis A.V. Iovem Imperium, or Sacred Aspects of Roman “Globalization.” *Наукове пізнання: методологія та технологія*. 2014. № 33 (2). С. 173–178.
6. Krugman P, Venables T. Globalization and the Inequality of Nations. *Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110. P. 857–880.
7. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris : OECD, 2003. 276 p.

REFERENCES

1. Rikardo D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya. Izbrannoe. M.: Eksmo, 2007. 960 s.
2. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Eksmo, 2019. 1056 s.
3. Acemoglu D, Johnson S, Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91, issue 5. P. 1369–1401.
4. Cohen D. Three Lectures on Post-Industrial Society. Cambridge, MA: The MIT Press, 2009. 119 p.
5. Halapsis A.V. Iovem Imperium, or Sacred Aspects of Roman “Globalization” // *Naukove piznannia: metodolohiia ta tekhnolohiia*. 2014. № 33 (2). S. 173–178.
6. Krugman P, Venables T. Globalization and the Inequality of Nations // *Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110. P. 857–880.
7. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003. 276 p.

Zaytsev A. S.

PhD Student in the Department of Philosophy and Political Science
National Metallurgical Academy of Ukraine
Gagarina avenue, 4, Dnipro, Ukraine

LESSONS AND PARADOXES OF THE FIRST GLOBALIZATION

In the 19th century, the globalization model was tested in practice, which became possible due to both technological (development of means of communication) and political (colonial policy of the great European states) factors. This experience was comprehended by both the mother countries and the colonies. The latter, having gained independence after the Second World War, preferred to abandon the free market in favor of protectionism because the economically weak countries have no free market and their own economy is uncompetitive. But protectionism could be a good idea only in the case of technological stability: when new technologies rarely appear, time can be sacrificed for economic stability. However, in a situation where technology is developing rapidly, protectionism contributes to the stagnation of the national economy and even greater lag behind the leaders. Therefore, the countries of the "third world" are forced to join in modern globalization in order not to lag behind completely.

The purpose of the article is to identify the factors that contributed to the deployment of globalization processes in the nineteenth century, to identify its theoretical prerequisites and describe the course of the first globalization, as well as to identify lessons learned from it by the leaders of "third world" countries in the twentieth century.

In the nineteenth century, the model of globalization and the free market was tested in practice, which was made possible by both technological (development of communication and communication) and political (colonial policies of the great European powers) factors. The experience gained was comprehended by both metropolitan and colonies. The latter, having gained independence after World War II, preferred to abandon the free market in favor of protectionism, given that the free market is not profitable for economically weak countries and their own economy is uncompetitive.

Key words: globalization, free market, colonialism, "third world", competition, technology, communications, GDP.